

Душа корректирует,
во имя чего человек что-то делает

О. М.

— Я смотрю, Олег Федорович, вы много курите. Давно?

— Сейчас скажу... — сорок шесть лет.

— Ну, ладно вам, не верю. Сколько же вам лет тогда?

— Ну... в общем, курю я из них 46. С семи лет, с первого сентября. Я зашел в туалет, а там десятиклассник стоит... Он говорит: «Давай смолти». И глупость сделал я такую, что затянулся осторожно, — надо было сильно затянуться, закашлять. А я потихонечку-потихонечку, и кайф от этого пошел. Так что я с первой папиросой получил удовольствие. А потом у папы вытягивал по одной штучке... Правда, самый психологически сложный момент был, когда я уже учился в училище театральном, — при маме достать сигарету.

— И что, так и не случилось?

— Нет, случилось, случилось... Но это был, знаешь, переход еще одной границы, и это не очень радостно.

— То есть, если человек что-то познал, постиг, то он постарел...

— Хуже стал. Да в любую сторону — чем больше переступаешь в жизни, тем становишься хуже. Между первой папиросой и «закурить при родителях» прошло ни много ни мало одиннадцать лет. Отец у меня был жестких правил, но физическое воздействие на ребенка он применял только по отношению ко мне, ни в коем случае к сестре. Он меня очень любил, но это была нормальная система воспитания...

— И вот теперь вы применяете ее на своей дочери, да?

— Нет, рукоприкладства нет, хотя приходится общаться с детьми вот этого — тинейджерского возраста... Замечательное, кстати, слово. Я не очень люблю в русском языке иностранные слова...

— Но это слово вам нравится.

— Точное слово, у нас не было аналога.

— Даже подросток не подходит?

— Не подходит. Потому что в слове подросток есть что-то очень трогательное и нежное, что хочется еще обхаживать. А 10—14 — это возраст, когда человек очень многое хочет постигнуть, он все пробует, а с другой стороны, масса всяких запретов, которые просто невозможно не нарушить... Почему в этом возрасте и курят... В это время очень много агрессии, безответственности за поступки. То есть это — тинейджер. Хорошее слово. И ты понимаешь, что имешь дело не с цветочком, а с человеком, с психологией которого надо быть очень осторожным, а с другой стороны, очень жестким...

— Действительно, странно, вы ведь не любитель иностранных слов и в вашей программе всегда хороший русский язык, как, наверное, ни в одной другой передаче на ТВ...

— Да, правда, я ужасно раздражаюсь, когда слышу слова типа имидж, потому что в русском языке есть более точные, более богатые — образ, к примеру. Есть, конечно, и функциональные, необходимые слова — дилер, например, у которых аналогов нет в русском языке. Но иногда говорят — бизнес, забывая, что у нас есть замечательное слово — дело. И даже американцы, выходя из России, меньше употребляют слово бизнес, а больше производное от слова дело — дил, будем делать дил.

— В чем вы преуспели, когда сами были «тином», чем взяли своих сверстников?

— Ну плохим, естественно. Мы жили тогда в маленьком городке, в Херсоне. И я поменял около одиннадцати школ — я во всех новых учился: как только меня выгоняли из одной школы, открывалась новая, и меня туда переводили. И потом снова выгоняли — и так 11 раз. В ценно-

стях того времени и нашего возраста не было понятия хорошо учиться. Хорошо учиться должны были девочки, и девочек, которые плохо учились, мы не уважали. Но нам хорошо учиться и хорошо себя вести и прожить день, чтобы тебе не сделали замечания или не выгнали с урока, — это были неправильные, бездарно прожитые дни.

— Тогда непонятно, как вас в театральное-то потянуло.

— А это с детства у меня — папа был артист, я и родился рядом с кулисами, в городе Ташкенте, в эвакуации.

— Откуда же у вас это чувство слова?

— Когда у меня спрашивают, какое у меня любимое место в Москве, я говорю — диван.

Олег МАРУСЕВ:

Можно ли совместить Льва Толстого и Интернет?

А какие самые любимые книги, я говорю — словарь...

— А с чем вы из училища выпускались?

— Я играл и Ромео... А выпускался я на Украине, в Днепрпетровске — это было первое мое училище, потом был Киевский театральный институт, а потом ГИТИС.

— Зачем же так много?

— А у меня три образования: актерское, театроведческое и режиссерское. Вот и сейчас имею честь преподавать в ГИТИСе...

— А что с программой «Пойми меня»?

— Она проста и обыкновенна.

— Не скажите. За всей этой обыкновенностью скрыты серьезные и важные вещи, а еще и хорошая русская речь слышна.

— Богатство языка, особенно нашего языка, всегда состояло в количестве синонимов. И когда люди изъяснялись, то чисто автоматически не могли произнести одно и то же слово в рядом стоящих предложениях. И так учили в школе, к счастью. Поэтому язык — он существовал. Сейчас резко сокращается количество синонимов. По разным поводам употребляют одни и те же слова...

— Почему, вы знаете?

— Я думаю... Знаешь, в первые годы после революции было то же самое, потом успокоилось. Появились, к примеру, такое слово — железно, и оно заменило огромное количество слов — точно, справедливо, добротнo и так далее. Но и сейчас слово железно в нашей лексике осталось — кстати, хорошее слово, очень много в себе содержит, — однако и оно отойдет, займет какую-то свою нишу. Мы пацанами разговаривали сленгом в своем кругу. А вне круга это было не принято. Но та система обучения помогала не потерять язык, сказать, что она была идеальная, трудно, но вот фундамент та школа давала хороший. Сейчас я не

нообразнее будут формы одной и той же передачи, тем лучше для этой передачи. Вот ты посмотришь, как ведет, к примеру, десятилетняя девочка Женечка, — это же потрясающе.

— Я вам, Олег Федорович, предрекаю шквал звонков и писем по этому поводу: вы сами говорили об особенной энергетике земли, на которой мы живем. И потом, лучшее — враг хорошего...

— Ты мне сейчас напомнила одну фразу человека, моего учителя эстрады Эдди Рознера, он говорил так: «Не трогай, где хорошо лежит...»

— Вот-вот, и я о том же. Это вы придумали программу?

— Ну, ее придумали люди, это народная игра...

— Ага, видишь, и ты ее запомнила, значит, все правильно было, правильно я ее надел.

— Когда-то у меня такой расказ был, корючка такая на сцене...

— Что, простите?

— Корючка... Это если ты делаешь программу, то в ней обязательно должна быть какая-то неожиданность, закорючка такая. И чем их в программе больше, тем интереснее. Так вот. Я выходил на сцену с гвоздикой, я вел программу с гвоздикой, и после каждого номера я дарил артисту гвоздику. Я мог эту гвоздику достать из рояля, еще откуда-нибудь. И вот я придумал эту корючку. И хотели зрители того или нет, обязательно

— А какова была ваша ставка?

— Одиннадцать пятьдесят. Я стал думать, как же мне поступить: бороду, конечно, жалко, но ведь он действительно никогда не подпишет эти бумаги — ну ладно, надо побриться, к чертовой матери. Я пошел в Большой театр в парикмахерский цех, у меня там были знакомые, взял их крипе — это такой волос нарезанный, не борода, а волос, — побрился, и точно так же, как у меня была борода, приклеил эти волосы очень аккуратно, отличить было практически невозможно.

— Эта идея у вас родилась, когда опасность улывания ставки стала реальной?

— Да, да. И вот в половине седьмого, а концерт начинался в половине восьмого, я прихожу в Театр Эстрады, все руководство стоит у входа, на меня смотрит директор и говорит: «Да, ты сам сделал выбор». И тут я играю истерику, бросаю чемодан, начинаю орать: «Сколько можно, вы меня достали!» — и начинаю вырывать ключья из бороды...

— У них, наверное, коллективный обморок был!

— У меня в глазах слезы, и куски бороды летят! Я хватаю чемодан и ухожу за кулисы...

Только потом они поняли, что я их разыграл. Ответ на эту штуку был следующий — зашел директор и сказал: «Слушай, вот за то, что ты сделал, ставку я тебе подписываю позавчерашним днем». И потому уже эти концерты в Театре Эстрады я играл по новой ставке.

— Ну а теперь, как вы говорите, поменяемся местами: теперь я буду ведущим программы Марусевым, ну а вы — одним из игроков. Итак: какие ассоциации у вас вызывает словосочетание старая школа? Время.

— Старая школа чего?

— Время идет, Олег Федорович. Вы своим игрокам-то не даете возможности обдумывать и тем более спрашивать, так что «се ля ви», как говорят французы.

— Четыре ассоциации надо сказать, да? Хорошо, это: интеллигентность, поиск образа жизни, иммунитет к беспринципности и порядочность...

...Знаешь, на исходе двадцатого века я думаю: что было в жизни такого, что поменяло мое сознание? Я не говорю об эмоциональных состояниях — любовь, война или что-то еще. А вот то, что сознание мое перевернуло? И за чуть более половины века, прожитой мною, я выделяю две таких вещи: человек на Луне и Интернет. Я стал понимать, что мы вступаем в эпоху какого-то планетарного правительства, что здесь очень скоро и очень быстро что-то будет происходить, разтворится понятие национального и все будут местные.

— Прекрасно, телевидение не воспитывает, а Интернет, значит, объединяет и воспитывает?! Чувь какая-то! Сознание эта штука, быть может, и в состоянии перевернуть, а душу?

— Душа уже давно сформировалась — в детстве еще, в доме и в школе... Душа... У меня есть такая ассоциация: душа корректирует, во имя чего я это делаю. Не что я делаю, а во имя чего. И тогда я начинаю думать, а надо ли это делать.

Сейчас скажу одну вещь — черт его знает, на себя брать такую ответственность... Понимаешь, то, что нам активно предлагается сейчас средствами массовой информации, людьми, находящимися у власти, это модель души с противоположной части планеты. Может быть, детьми она и усвоится когда-нибудь, но это обязательно войдет в конфликт с энергией части планеты, называемой Россией.

● Марина КРАЙНЯЯ

ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ

вспоминали человека, который вел программу, только потому, что все время у него появлялась гвоздика. Это психология. Так было и со шляпой. И в конце я ее снимал — перед победителями — такая была идея. А когда мы стали переделывать программу, первое, от чего я лично отказался, была шляпа. Я понял, что она сделала свое дело, она зацепила — и вот смотри, почти два года уже идет передача без шляпы, а ее все вспоминают.

— А эта борода с усами откуда — конкретно откуда, я понимаю, — выросла. Но это что, новая придумка ваша, корючка, что ли? Быть может, вы собираетесь, как Гусман в КВН, — р-раз, и нету бороды?!

— У меня задолго до него такое было. Дело в том, что бороду я начал носить с 67-го года и носил ее до 75-го. Но, когда я пришел на телевидение в 71-м и сделал свою первую передачу, которая называлась «Концерт после концерта», и когда ее, то есть бороду, увидело руководство телевидения того времени, это вызвало нет с чисто идеологической точки зрения: борода того времени воспринималась идеологическими органами как один из признаков диссидентства.

А вот снятие бороды я проделывал в 72-м году. Тогда у меня была программа в Театре Эстрады, и на сцену было нельзя с бородой. С бородой я выступал везде, но в Театре Эстрады любое выступление, концерт отменялся райкомом, горкомом, в общем, партий плюс министерством. После просмотра сказали, что все нормально, все хорошо, но только Марусеву надо сбрить бороду. Меня вызвал директор Росконцерта и велел побриться. Я сказал: «Нет». Я понимал, что заставить меня побриться он не может и с концерта снять тоже не может. И в последний момент говорит: «Так, значит, я понимаю, что ты не побреешься, но я знаю и то, что будет несправедливо, когда я пострадаю, а ты — нет. Причем я пострадаю из-за твоей, а не своей бороды. Поэтому пусть неприятности будут и у тебя. Вот лежат документы на повышение твоей концертной ставки, я их могу подписать сегодня, могу подписать через десять лет. Так вот, я их подпишу через десять лет».

— Повышение, видать, было существенное, раз вы задумались?

— Повышение это составляло ровно один рубль пятьдесят копеек, но при количестве концертов и повышении так называемой категории это было очень значительно.

знаю нынешнюю школу, не могу сказать... А вот что происходит на экране, попробую объяснить.

Думаю, это называется заигрывание, то есть то, чего никогда не было, когда я был маленьким. Со мной взрослые не заигрывали. А сейчас заигрывают, используя всякие сленги, жаргоны, вариации иностранных слов, — это так называемая модность, которая потом вдруг становится сущью. Это опасные вещи. Поэтому когда вдруг появляется программа и ведущий изначально ставит задачу понравиться, то он начинает стесняться...

— А у вас такой задачи не было?

— Да нет. Я сотрудничаю с телевидением 28 лет, и потом я не тяну одеяло на себя, я в своей же программе с удовольствием привлекаю тех или иных артистов, которые ее периодически ведут...

— На самом деле многим это не нравится, моей дочери, к примеру, мне тоже — зачем вы это делаете?

— Я считаю, и это моя позиция, что в игровой программе личность ведущего сама по себе ничего не значит, форма — да. Каждый ведущий предлагает свою форму ведения, и чем раз-

— Ну проект, как говорят сейчас...

— Вот опять: я не люблю, когда говорят «автор проекта». Это игра, в которую пацаны играют в подвале, я в детстве играл в испорченный телефон... Назвать автора проекта народной игры — это все равно что сказать «автор преферанса».

— Ну не народ же создал передачу-то?!

— У игры не бывает автора. А производит ее, эту программу, — если будешь писать, обязательно об этом скажи, я очень ему благодарен, — Авторское телевидение, которое, не подвергая сомнению идею создания такой передачи, сразу же стало ее производить. Спасибо и Толе Малкину, потому что если бы не он, то вряд ли кто-то другой согласился бы без пробных программ, так называемого пилота, вложить в это деньги и начать производство.

— Хорошо, а чья была идея шляпу-то надеть?

— А у этой передачи было вначале другое название: «Я снимаю шляпу или Пойми меня». Так она и зарегистрирована.

— Понятно. Но почему шляпа-то ковбойская? Строгий костюм и ковбойская шляпа, ну уж никак не сочетаются они.